

ИЛЬЯ СЕРМАН

МИХАИЛ
ЛЕРМОНТОВ

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

1836 – 1841

*Файне Кануновой от
старого друга и
единомышленника.
23.08.98*

ИЛЬЯ СЕРМАН

И. З.
БИБЛИОТЕКА

КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

1836 – 1841

1-980360

СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ИЕРУСАЛИМЕ

1997

Ilya Serman

MIKHAIL LERMONTOV

Life in Literature: 1836 – 1841

© 1997 by the author

Edited by V. Brio and G. Weiss

The author wishes to express his gratitude to the Leah Goldberg Fund in Russian Studies at the Hebrew University of Jerusalem for its generous support in publishing this book

For contacts:

Ilya Serman, P.O.Box 23118

91725 Jerusalem, Tel. 02-5861570

ISBN 965-424-022-X

VERBA Publishers

Jerusalem 1997

Printed in Israel

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
I. Москвич в Петербурге	13
II. В ожидании нового поэта	49
III. Народ в истории	98
IV. Две эпохи	126
V. Поэт своего поколения	167
VI. Примирение и бунт	215
VII. Петербургский роман и поэма о провинции	255
VIII. Горы и люди	282
IX. "Журнал" Печорина	302
Заключение	338
Примечания	342
Указатель имен	363

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга представляет собой исследование той эпохи в жизни Лермонтова, когда он осуществил давнюю цель своих стремлений – пробился в литературу, достиг всероссийской известности и совершил в русской прозе переворот, положивший начало русскому психологическому роману XIX века.

Пять лет творческой деятельности не поддаются строгому хронологическому членению. В сущности, все, что сделал Лермонтов в литературе, задумывалось и осуществлялось одновременно, в те периоды его жизни, когда кавказские ссылки этому не препятствовали. Поэтому книга делится на главы не столько по хронологическому, сколько по тематическому принципу. В каждой из девяти глав предметом исследования является одна центральная творческая проблема, Лермонтовым перед собой поставленная, а в совокупности книга показывает, как входил Лермонтов в литературу своего времени, какие препятствия ему приходилось преодолевать и на какие духовные потребности русского общества он хотел и мог ответить.

Как известно, от Лермонтова не осталось никаких материалов дневниково-исповедального содержания, сохранилось ничтожное количество писем и очень небогатая мемуаристика, поэтому многое в книге строится на косвенных данных и имеет гипотетический характер. Без них исследователь обречен на повторение привычных представлений о Лермонтове, в духе которых уже написано обширное собрание книг и статей.

В данном исследовании хотелось прочитать стихи и прозу Лермонтова как бы в первый раз. Такова цель книги.

По-видимому, надо объяснить, почему я не пишу о том, что в литературных занятиях Лермонтова предшествовало дате, указанной в названии этой книги, то есть до 1836 г. Я мог бы сказать кратко: потому, что все написанное раньше не вошло в литературу, не стало литературным фактом.

Люди моего поколения, да и не только они, хорошо помнят, какое определение понятию "литературный факт" предложил Ю.Н.Тынянов 70 лет тому назад:

"Существование факта как *литературного*¹ зависит от его дифференциального качества (т.е. от соотношенности либо с литературным, либо с внелитературным рядом), другими словами – от функции его". [1]²

То есть, факт становится *литературным* только тогда, когда он попадает в систему литературных отношений, под воздействием которых проверяется и утверждается его "право" на существование в литературе.

Историк литературы волен, конечно, исследовать раннюю литературную работу Лермонтова, но при этом он обязан помнить, что все эти 300 стихов, 12 поэм и драм не вошли в литературу, не стали литературным фактом, не подверглись воздействию тех или иных литературных отношений.

Ведь мы помним, что 24 стихотворения Тютчева, в числе которых есть, несомненно, его самые замечательные вещи, не вошли в систему литературных отношений эпохи, хотя и были напечатаны в "Современнике" 1836 г. Мы мо-

¹ Принадлежность шрифтовых выделений в цитатах из публицистики, воспоминаний, писем и т.п. отмечается только в тех случаях, когда они сделаны автором монографии. Курсив в цитатах из художественных произведений используется автором при их анализе и потому, как правило, не оговаривается.

² См. Примечания в конце книги.

жем смело сказать, что если их не заметила профессиональная критика, если читательские отзывы столь редки, что их можно пересчитать по пальцам, то совершенно ясно, что в 1830-е гг. они не стали литературным фактом.

Значит, если текст входит в какую-то систему литературных отношений, он становится литературным фактом вне зависимости от того, какие это были отношения, — принятия или неприятия, в восторгах или негодовании они выражались, конечно, если доказано, что восприятие данного текста определялось системой литературных представлений, а не какими-либо внелитературными причинами.

Может быть, эти отношения и есть главный предмет истории литературы как науки? Может быть, их протяженность и сопоставленность во времени и есть эмпирический материал, подлежащий исследованию историка литературы?

"Феоπτия" В.К.Тредиаковского была опубликована мною в 1963 г. после того, как она пролежала более двухсот лет (с 1755 г.) в архиве Синодальной типографии в Москве.

Стала ли эта поэма, при всем ее интересе для историка религии, философии, стиховеда — литературным фактом? Потенциально она могла им стать в XVIII веке, если бы синодальные редакторы ("справщики") оказались менее бдительными и не отыскивали в ее тексте проповедь гелиоцентризма. А за двести лет литература так изменилась, что на "Феоπτию" мы смотрим только как на памятник прошлого.

У одного и того же автора различные произведения имеют несходную литературную судьбу. Драматические произведения Державина, несмотря на попытки некоторых исследователей их "реабилитировать", не стали фактом литературы, хотя сам драматург очень этого добивался и никак не мог понять, почему не берут на сцену его пьес. — ведь в смысле патриотизма в них все в полном порядке.

Трагедии Державина, предназначенные по самой своей жанровой природе возбуждать "ужас и сострадание", у молодых поэтов вызывали только смех. В трагедии Державина "Ирод и Мариамна" есть следующий обмен репликами, над которыми Жуковский любил подшучивать [2]:

Мариамна:

Но в блеске солнечном не видны ль черны пятна?

Ирод:

Какой вопрос! Есть. Нет, они невероятны.

Одна из исследовательниц считала, что "эта небольшая, но глубоко психологическая сцена <...> по-видимому, не была понята Жуковским" [3], тогда как Жуковскому эти стихи, как, впрочем, и вся драматургия Державина, представлялись стихотворной галиматьей, лишенной всякого и, прежде всего, "психологического" смысла. Для Жуковского, да и не только для него, трагедии Державина были явлением внелитературным, а в трагедиях Озерова он находил "великий талант" и "чувство".

Державин писал свои трагедии, соперничая с Озеровым, успех которого на русской сцене был ему неприятен и непонятен, хотя Дмитриевский, назвавший *стихи* Озерова в "Дмитрии Донском" "прекрасными", в сущности, объяснял не только успех Озерова, но и неудачу Державина-драматурга.

Драматургия Державина с точки зрения принципов сценического стиха не обладала тем, что было не только в трагедиях Озерова, но даже в трагедии посредственного драматурга Крюковского, отсюда их внелитературность.

Что делает (данный, любой) текст литературным фактом? Для этого необходимо одно, но непременное условие, — этот текст должен включиться в систему уже существующих или вновь возникающих литературных отношений. "Горе от ума", хотя и было опубликовано только в

отрывках в 1825 г., а на сцену не попало, стало предметом известной литературной дискуссии, оказалось в узловом пункте литературных отношений.

Только еще одно необходимое предупреждение. Читатели, наверное, заметят, что в книге нет указаний на литературные отношения Лермонтова с тремя основными европейскими литературами – французской, немецкой и английской. Отчасти во многих работах эти отношения уже исследованы, и сделано это вполне результативно [4], и, конечно, Лермонтов, который уже в 1830 г. (пятнадцати лет!) сделал для себя запись: "Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать...", жил и действовал в непрерывном творческом общении с названными литературами.

Последовательное, фронтальное исследование всех отношений Лермонтова с литературами Запада (к названному выше трем следует прибавить еще американскую) необходимо, но оно может быть осуществлено только в масштабах большого отдельного исследования.

Недолгое участие Лермонтова в литературной жизни и литературных отношениях 1836 – 1841 гг. оказалось настолько важно для его времени и всего последующего развития русской литературы, что никаких дополнительных объяснений тема этой книги не требует.

Работа над ней продолжалась несколько лет, преимущественно в каникулярное время, в Америке. О том же, что получилось, судить не мне.

Хочу только назвать тех моих друзей и "сочувственников" (термин А.Н.Радищева), без внимательной и заинтересованной помощи которых эта книга не была бы доведена до конца.

В первую очередь – Ефима Григорьевича Эткинца, который в свое время подтолкнул меня заниматься Лермонтовым.

С благодарностью пишу о тех, кто, как мои коллеги по

славистическому центру Иерусалимского университета, Валентина Брио и Самуил Шварцбанд охотно согласились прочесть рукопись этой книги и подсказать необходимые поправки.

Особенно мне было дорого внимание к моей рукописи Лидии Михайловны Лотман и Александра Ардалионовича Алмазова, старых друзей, сокурсников по филологическому факультету Ленинградского университета второй половины 1930-х гг.

С особым удовольствием приношу самую сердечную благодарность моим иерусалимским друзьям Лене и Саше Кап-ланам, без технической помощи которых эта книга не вышла бы из догутенберговского своего существования.

Не выражаю благодарности своей жене, Руфи Зерновой, так как мера участия ее в появлении и усовершенствовании этой книги не поддается никакому измерению, а ее любовь к Лермонтову, верный и строгий вкус помогли мне избежать псевдонаучной тяжести изложения и сделать книгу, как я надеюсь, читаемой без затруднений и, может быть, хоть отчасти отвечающей требованию Лермонтова найти для мысли "язык простой".

Благодарю Еврейский университет в Иерусалиме, без значительной финансовой поддержки которого эта книга не смогла бы увидеть свет.

В заключение благодарю друга-издателя нашей семьи Юрия Вайса за доброжелательное внимание и дельные советы.